

Гореликова

Нереальная коллекция

сборник рассказов

Гореликова

**Нереальная коллекция.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Гореликова

Нереальная коллекция. Сборник рассказов / Гореликова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834381-0

В сборнике восемь рассказов. Они разные: есть со счастливым финалом, есть и страшные. Объединяет их то, что в каждом присутствует толика невероятного и шепотка сверхъестественного.

ISBN 978-5-44-834381-0

© Гореликова
© Издательские решения

Содержание

Маруся	6
Пока идет снег	15
Помню. Люблю. Печалюсь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нереальная коллекция
Сборник рассказов
Гореликова

© Гореликова, 2016

ISBN 978-5-4483-4381-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маруся

Пятиминуток Маруся не любила.

В тесную ординаторскую набивалось человек десять. Люди приносили с собой резкие запахи – бензина, духов, шампуней, собак, еды и табака. Кроме того, сразу начинали шуметь, двигать стулья, смеяться.

Смех Маруся тоже не любила. Почти так же, как и прикосновения. Не любила, когда брали на руки, тискали, гладили, тормошили. А на пятиминутке почти каждый это делал. Хватали подмышки, поднимали над землей и спрашивали сюсюкающими голосами: «Ну, киса, как прошло твое дежурство? Что нового в отделении?»

Отбиваться было бесполезно. Маруся покорно висела, растопырив передние лапы и вытянув задние, и молча смотрела на державшего ее. В таком виде ее передавали из рук в руки, и кто-нибудь обязательно говорил: «Ну и глаза! Смотрит и не сморгнет!»

В человеческие слова Маруся никогда не вслушивалась, их всегда было слишком много. Но знала, что вскоре людям надоест таскать ее по воздуху, и потому терпела. Висела, не шевелясь, и никогда не выпускала когти.

Когда ее наконец-то ставили на пол, встряхивалась и уходила к бабе Маше.

– Явилась? – спрашивала та, и Маруся согласно щурила глаза.

Баба Маша никогда не брала кошку на руки, говорила сердитым голосом, но Маруся знала: баба Маша рада ей.

– Опять наши врачи собрались болты болтать? А ты и сбежала? Спрятать тебя?

Маруся коротко мурлыкала и терлась об ноги.

– Ну, иди, иди, поспи чуток.

Баба Маша открывала заветную дверь, и Маруся проскальзывала в кладовку. Прыгала на среднюю полку и зарывалась в стопку чистых простыней. От белья умиротворяюще пахло лекарствами и немного стиральным порошком.

– Легла? – спрашивала баба Маша и, услышав согласное «мр-р», запирала дверь снаружи.

Маруся оставалась одна – в полутьме и тишине бельевой.

Устраивалась поудобней и начинала прихорашиваться – тщательно вылизывала шерсть, мыла лапками уши. Почистившись, укладывалась спать – собиралась в клубочек и закрывала глаза.

Сны Марусе снились преимущественно белого цвета. Неопознанные белые фигуры беззвучно скользили по белому фону. Было немного скучновато, но спокойно.

Проснувшись, Маруся никогда не помнила красок, которые видела накануне.

И в этом была благодать.

Ровно в двенадцать часов в замке поворачивался ключ, и раздавался голос бабы Маши:

– Выходи, закончился профессорский обход, теперь твоя очередь.

Маруся поднималась, вальяжно потягивалась, пушила хвост и придиричиво его осматривала. Хвост был, как всегда, великолепен.

Довольная, Маруся прыгивала с полки и выходила из бельевой. Каждый раз пыталась в знак благодарности лизнуть бабу Машу, но та отмахивалась:

– Иди уже, ласковая ты наша. Больные заждались.

Маруся поднимала хвост трубой и начинала свое шествие по коридору.

В коридоре она встречалась с людьми.

Люди в отделении были большие и маленькие.

Большие люди назывались врачи, сестры и мамочки.

Врачи и сестры были белые. Вели себя властно, говорили громко. Те, которые сестры, сильнее пахли лекарствами, наверное, потому что часами раскладывали таблетки по кучкам.

К таблеткам Маруся относилась спокойно. Садилась на подоконник и смотрела, как ловко сестры двигают руками по коробочкам. Кто-нибудь обязательно спрашивал: «Ну что, Муська, валерьянки хочешь?» В этом месте Марусе полагалось щуриться и переступать лапами. Если она этого не делала, ей начинали пихать под нос дурно пахнущие пузырьки. Дело было даже не в пузырьках, а в том, что сестры огорчались отказом. Вокруг них начинали клубиться бледно-зеленые облака.

Вообще, в отделении цветных облаков было много, на любой вкус. Врачи и сестры испускали зеленые или фиолетовые сияния, но они были неопасными и быстро исчезали.

Вот и теперь по коридору навстречу Марусе шла сестра, окруженная изумрудной аурой.

Поравнявшись с Марусей, сестра присела на корточки и потрепала кошку по загривку. Как обрывок радиопередачи, Маруся услышала мужской голос: «Ты должна понять мои обстоятельства. Я не могу сейчас принимать никаких решений. Моя жена...». Сестра убрала руку, и голос умолк так же неожиданно, как раздался.

Маруся подняла голову и недоумевающе взглянула в лицо человека.

– Хорошая ты, Маруся, верная и честная, – сказала сестра, выпрямляясь. И пошла дальше по коридору.

А Маруся еще некоторое время стояла, наблюдая за зеленым свечением, тащившимся за человеком, как хвост.

Только когда хвост скрылся за поворотом, кошка двинулась своей дорогой.

Впереди, у развилки коридора, стояли мамочки.

Мамочки ходили в разноцветной одежде и пахли по-разному. В отличие от врачей говорили сбивчиво, часто умоляюще. И постоянно плакали.

Слезы интересовали Марусю куда больше, чем смех. Увидев плачущего человека, подбиралась ближе и пристально вглядывалась в глаза, пыталась понять, каким образом оттуда могла вытекать вода.

Мамочки светились красным или, редко, оранжевым. Судя по всему, красный цвет причинял мамочкам неудобства, и они все время пытались от него избавиться. Оставляли красные следы везде – на банкетках, на дверях, на стенах. В первые минуты следы светились так же ярко, как и сами мамочки. Потом начинали темнеть и в конце концов превращались в темно-коричневые пятна.

Баба Маша дважды в день смывала пятна, но мамочки пачкали отделение снова и снова.

Вот и сейчас, стоило Марусе приблизиться, как люди потянули руки, наперебой стали гладить.

Красное свечение стекало с их пальцев и запутывалось в длинной белой шести.

Больше, больше, больше. Ярче.

Маруся ощущала свечение как легкий зуд на коже, однако стояла смирно. Таковы правила игры. Без обряда поглаживания Марусю не пускали туда, где ей было по-настоящему интересно – к маленьким людям.

Маленькие люди действительно были маленькими, некоторые только чуть покрупнее Маруси.

Маленькие люди постоянно лежали в своих кроватях. Многие даже не шевелились. Лежали с закрытыми глазами, но не спали, Маруся в этом была уверена. Маленькие люди тонули в половодье красок – пронзительно-синих, густо-желтых, тревожно-пурпурных.

Маруся подходила к ним поближе, обнюхивала. Потом ложилась около и смотрела на многоцветье. Таращила и таращила глаза – до тех пор, пока радуга не накрывала и ее. Тогда Маруся засыпала.

Сны ей снились веселые. Маруся прыгала среди красок, которые становились нитками. Она лапами свивала из них шары и подбрасывала вверх. Часть шаров улетали по воздуху, точно

невесомые облачка, часть – раскатывались, как тяжелые клубки, по полу. Некоторые просто лопались с забавным треском. Маруся любила играть с разноцветными шарами.

Просыпалась она отдохнувшая и голодная. Выходила в коридор, где ее подкарауливали мамочки. Опять наперебой гладили и причитали. Маруся терпеливо сносила прикосновения, потому что за ними следовала вкусная еда из пакетиков. Маруся ела, а мамочки стояли вокруг и плакали.

Рано или поздно маленькие люди переставали светиться, играть с красками становилось невозможно, и их куда-то уносили. Врачи и мамочки при этом радовались, хотя мамочки снова плакали. Видимо, запас воды в глазах был неисчерпаемым.

Маруся, глядя на пустую кровать, мимолетно огорчалась. Однако вскоре на кровати вновь появлялся маленький человек, уже другой, и Маруся начинала разматывать новый цветной кокон.

В очередной раз стерпев обязательные ласки мамочек, Маруся двинулась к двери, ведущей в комнату маленьких людей.

Большие люди почтительно расступились, кто-то открыл дверь.

Маруся никогда не заходила сразу. У нее тоже был свой ритуал. Сначала она заглядывала в палату. Поводила глазами, выискивая самую яркую кровать. Встряхивалась всем телом, при этом с шерсти во все стороны разлетались красные брызги, остатки человеческих красок. И только тогда медленно входила.

А мамочки теснили друг друга за порогом, перешептывались: «К кому?... К кому она подойдет?..»

Как обычно, Маруся не обратила на шепот ни малейшего внимания. Она вообще редко вслушивалась в человеческие слова, тех всегда было слишком много. Мягко вспрыгнула на намеченную кровать.

Маленький человек лежал на спине, безвольно раскинув крошечные ручки. Вокруг тельца змеились провода.

Маруся аккуратно переступила через них, нашла свободное место и легла.

Краски вздрогнули, точно пыльное облако от ветра, немного отступили. А потом поняли: своя, и стали наползать на белую кошку.

Маруся довольно заурчала, протянула лапу и потрогала первую протянувшуюся к ней нить.

Младенец, опутанный проводами, вздрогнул и впервые задышал самостоятельно.

Из палаты Маруся вышла под вечер. Большие люди встретили ее вопросительными взглядами. Маруся капризно выгнулась, потянулась и требовательно мякнула.

Одна из мамочек упала перед ней на колени, схватила, потрясла.

– Ну как она? Как? С ней будет все хорошо? Ну, скажи же!!

Маруся недоуменно взглянула в лицо человеку. Глаза мамочки изливали оранжевые потоки слез. Маруся попыталась осторожно высвободиться. Она не понимала, что от нее хотят.

– Покормили бы лучше животную, чем болты-то болтать, – раздался знакомый голос.

Баба Маша стояла рядом с ведром в руках. Значит, собиралась смывать красные брызги, оставленные Марусей. Те уже засохли, потемнели, но еще выделялись на белых стенах и светло-желтом линолеуме.

Баба Маша начала ожесточенно тереть пол и что-то бормотать. При каждом движении вокруг нее вспыхивало темно-оранжевое сияние, по краям переходящее в лимонно-желтое.

Маруся подошла и потерлась головой.

– Отстань! – отпихнула баба Маша. – Я теперь кто? Я теперь воровка...

Маруся мякнула.

– Ага, она самая... Три комплекта пропало... Кто виноват? Марья Иванна, кто ж еще!
А кто пересчитывал?

Облако вокруг санитарки взорвалось серией яростных вспышек.

Швабра в ее руках захватывала подсохшие капли. Баба Маша отжимала тряпку в ведре, и там капли опять краснели, распускались длинными плавными нитями.

Маруся замороженно смотрела на новую игру красок.

– На что загляделась? – легкий толчок вывел кошку из состояния оцепенения. – Беги уже, там тебе стол накрыли. А воровка будет пол домывать, к чему она еще годна?

Маруся оценивающе оглядела бабу Машу. Свечение потухло, стало неинтересным. Еда была лучше.

Маруся направилась туда, где проходили ненавистные пятиминутки и где за шкафом стояли ее миски.

В ординаторской никого не было. Маруся спокойно поела, забралась на диван и начала приводить себя в порядок. Тщательно вылизала бока, живот, вымыла уши. Когда принялась за хвост, дверь открылась, и появился врач.

Среди всех больших людей Маруся различала только бабу Машу и его. Бабу Машу за оранжевый свет. А этого – за рост и голос. Врач был гигантом и говорил басом, иногда дающим оттяжку в хрип. Кроме того, он никогда не брал Марусю на руки, что она особенно ценила, и назвал «котэ».

– Ты здесь, котэ? – спросил Большой Врач и зажег свет. – Значит, будем вместе дежурить?

Маруся сощурила глаза.

– Сиди, сиди, – сказал Большой Врач, хотя Маруся не сделала ни единой попытки встать. – Я тут сбоку чаю попью, – и загремел чашками.

Маруся продолжила умывание.

Дверь снова раскрылась, и вошел еще один врач. Этого Маруся не отличала от прочих – такой же шуршащий халат, стучащие каблучки и сладкий запах духов вперемешку с табаком.

– Поставил чайник? – спросил Врач Поменьше. – Я бутерброды принесла.

– Доставай. И дверь прикрой, покурим.

Запахло дымом.

Маруся перебралась на подоконник. Села спиной к людям и начала изучать законный пейзаж.

Стремительно темнело. В соседнем корпусе одно за другим зажигались окна. Загорелись и фонари вдоль дорожек. Их туманные круги освещали серый ноздреватый снег на газоне и полузамерзшие лужи на асфальте.

Чуть дальше, за забором, шла дорога, по которой непрерывным потоком катили машины. Маруся с удовольствием наблюдала за перемещением огней: белых в одну сторону и красных – в другую. Она давно сообразила, что жизнь маленьких подвижных огней зависит от двух больших и неподвижных – зеленого и красного. Маруся была готова часами следить за сменой сигналов светофора и движением автомобилей.

Зеленый – красный.

Движение – пауза.

Жизнь – смерть.

Большой Врач подошел к окну, взглянул. Воскликнул:

– Опять пробка! Скоро по Москве только на вертолете и проберешься. А ведь десять лет назад здесь была глушь да тишь. Блин, Анька, я ж здесь уже двенадцать лет!

– И еще двенадцать просидишь, – откликнулся Врач Поменьше. – Другой на твоём месте давно бы профессором стал.

– Ты же знаешь, не люблю я эту суету.

– Дурак ты, Паша. С твоими руками и твоей головой...

Большой Врач отошел от окна, а Маруся свернулась клубком, уткнула нос в белый подоконник.

Белое – это покой. Благодать, как говорит баба Маша.

Поэтому она первой стала звать кошку Марусей. И иногда – тезкой, Марией.

А той было все равно: Сметанка, Снежинка, Белка... Хотя Маруся действительно красивее.

Голоса врачей звучали за спиной, как журчание.

– ... А что у нас сегодня опять за кипиш был?

– Да не досчитались сколько-то там простыней. Солоницына, понятно, подняла хай.

– Господи, как же это все надоело! На что уходят силы?

– Вот и я про то. Защитился бы, преподавал бы теорию студентам. Милое дело! Ни тебе ночных дежурств, ни нервотрепки. Чем за копейки-то горбатиться.

– Ладно, оставь. Сколько можно? Я же тебе сказал: не по мне это. Лучше посмотри, в Женькином столе должна быть банка кофе.

Стукнул ящик стола, зазвенели ложки.

Бу—бу—бу... Бу—бу—бу, – сквозь дрему слышала Маруся.

И вдруг...

Кошка почуяла тревогу раньше людей, насторожила уши. Что такое?

Бух! Бух! забарабанили в дверь ординаторской.

– Павел Валерьевич! Анна Михайловна! Срочно!

Большой Врач и Врач Поменьше выскочили в коридор, где уже нарастал шум.

Маруся тоже поднялась, потянулась. Брезгливо понюхала горшок с фикусом, в котором Большой Врач потушил окурок.

С глухим стуком спрыгнула на пол и направилась в коридор посмотреть.

Там творилось необычное. Вдоль всего коридора змеилась непонятная лента. Мучнисто-белая, рыхлая, она лениво колыхалась над линолеумом, как студень.

Маруся осторожно понюхала – пахло тревожной кислятиной. Стараясь не задевать студень, Маруся пошла вдоль ленты. Та привела к дверям, которые обычно были закрыты.

В коридоре во множестве толпились мамочки. Увидев Марусю, зашептали:

– Кошка!... Наша кошка! ...Смотрите, она тоже пришла...

А вот гладить почему-то не стали. Это тоже было необычным. Но, как всегда, с напряженным вниманием следили, что Маруся будет делать.

Студенистая лента вливалась в палату сквозь неплотно прикрытую дверь. Маруся проскользнула в ту же щель, на секунду окунувшись в вязкую субстанцию. Кислая пелена окутала морду, осела на шерсти липким туманом.

Маруся брезгливо отряхнулась. А когда подняла глаза, остолбенела. Вверху сияло несколько ослепительно-белых солнц. Света было так много, что теней не осталось. Такое Маруся видела впервые.

Но и это было еще не все. Спина Большого Врача скрывала от Маруси высокий стол, на котором что-то происходило. Ярко-зеленое свечение прилегало к телу человека, как вторая кожа. Временами по зелени пробегали разноцветные вспышки.

Еще в палате суетились бледно-зеленые сестры, а в углу, на корточках, сидела мамочка. Та источала настолько яростный красный свет, что даже по стене, к которой она привалилась, струились розовые потеки. И, конечно же, мамочка плакала.

Маруся обошла ее по широкой дуге. Подобралась к столу и удивленно раскрыла глаза. Да это просто комната чудес!

Под руками врачей лежал плотный, почти каменный, кокон необыкновенного черного цвета. Это была абсолютная чернота. Такого Маруся еще ни разу не видела. Еще удивительней

было то, что руки врачей беспомощно скользили по гладкой поверхности и не погружались внутрь.

Большой Врач был очень зол. Даже воздух вокруг него колебался, точно нагретый. Возможно, он был опасен, и не следовало было попадаться ему на глаза, но Маруся не смогла справиться с любопытством.

Она вспрыгнула на тумбочку, стоявшую поблизости, и вытянула шею, стараясь разглядеть кокон. В это время Врач Поменьше перевернул его, и с исподней стороны Маруся увидела небольшое отверстие, в котором заманчиво сверкнула золотая искра.

От восторга Маруся громко мяукнула. Тут-то ее и заметили.

Врач Поменьше в панике крикнул:

– А ну, брысь отсюда!

Подлетела медсестра, зашевелилась и мамочка у стены.

Однако Маруся не обратила на них ни малейшего внимания. Таинственная золотая искра настолько привлекла ее, что она, не помня себя, перепрыгнула с тумбочки на стол и оказалась прямо под руками врачей.

Медсестра уже потянулась схватить кошку за шкуру, как вдруг Большой Врач сказал:

– Стоп!

На мгновение все застыли. Все, кроме Маруси. По правде говоря, она даже не услышала. Искра! Вот что надо было достать.

Маруся протянула лапу.

В отличие от человеческих рук, ее лапа с легкостью погрузилась в черноту, как в воду. Боли не было, но было отчетливое ощущение холода, когда чернота прошла сквозь плоть, не найдя, за что бы зацепиться.

Маруся вытащила лапу и оглядела ее. С кончика стекала не черная, а та самая беловатая студенистая субстанция, что змеилась по коридору.

Тогда, повинувшись неодолимому желанию добраться до золотого сияния, Маруся начала быстро-быстро раскапывать кокон.

В это время операционную потряс вопль:

– Что там делает кошка?! Прогоните ее! Брысь! Брысь! Отойди от него!

Кричала мамочка. Сверкающая ярко-красная аура, окружавшая ее, потемнела, по полю плясали багровые всполохи.

– Пошла вон!

Маруся плотно прижала уши, оскалилась, зашипела.

Разом закричали все – и Врач Поменьше, и две сестры. Но весь этот гвалт перекрыл низкий рык:

– Молчать! Выкиньте ее из операционной! Вон, я сказал!

Маруся приготовилась сражаться, но оказалось, что Большой Врач кричал не на нее, а на мамочку. Ошалевшая медсестра, ее цвет изменился на фиолетовый, ухватила мамочку под локоть и потянула к двери. Та уперлась и закричала – что-то бессмысленное, но страшное.

Ее аура стала такой яркой, что было больно смотреть. Но и Большой Врач был не хуже – пылал, точно огромный зеленый факел.

– Аня, убери ее, – сквозь зубы приказал он.

Врач Поменьше вцепился в мамочку, которая отбивалась и кричала:

– Пустите! Вы не имеете права! Это мой сын!

Врач и сестра поволокли ее к выходу, и вслед за людьми по воздуху плыли, завихряясь, серые, в красных прожилках следы. Как дым.

Маруся с отчаянием обнаружила, как ленты, которые она только что отмотала от кокона, как живые, свиваются обратно, и золотая искра опять погружается в черноту. Все глубже и глубже.

Маруся взвыла.

Большой Врач, видимо, это тоже видел, потому что сказал:

– Ну же, котэ! Продолжай, продолжай, милая!

На мгновение их взгляды встретились, и Маруся впервые почувствовала: она и большой человек близки и делают одно дело.

Маруся заработала лапами. Отчаянно полосовала кокон на узкие, как бинты, ленты. Те взлетали вверх, на мгновения подвисали в воздухе, а потом плавно опускались – на стол, на пол, на Марусю.

Отделившись от кокона, ленты выцветали, белели, в них только кое-где грозно светились черные прожилки.

Ленты были не опасны для Маруси, но их было слишком много. Вроде бы невесомые, тем не менее, они заваливали кошку, как сугроб.

Больше. Больше. Тяжелее и тяжелее. Холоднее.

Было трудно дышать, но Маруся не могла остановиться – она должна была выкопать золото.

Неожиданно она почувствовала облегчение. Это Большой Врач начал разгребать завалившую ее грудую. Огромными ладонями сбрасывал и сбрасывал ленты на пол, освобождая Марусю.

В таком диком темпе они работали на пару. Сколько, Маруся не знала, она вообще не разбиралась во времени.

Маруся остановилась только тогда, когда кокон истончился и наконец лопнул с легким треском. Вскрылся, как перезревший стручок гороха.

От неожиданности Маруся лязгнула зубами. Большой Врач отбросил последнюю ленту.

– Молодец!! Молодец, котэ! – заорал он. – Анька, смотри сюда! Быстро!

Он еще что-то говорил, но Маруся его не слушала. Она с изумлением обнюхивала маленького голого человечка, который неизвестно как оказался на столе, там, где недавно лежал каменный кокон.

– Ай да котэ! – гремел бас Большого Врача. – Но теперь давай отсюда, теперь мы сами.

Огромные руки подхватили Марусю и переложили обратно на тумбочку. От такого стремительного перелета в животе заныло, но она продолжала таращить глаза на непонятные вещи, творящиеся на операционном столе.

Руки Большого Врача и Врача Поменьше летали над головой маленького человека, а череп был вскрыт, и оттуда сочился красноватый туман.

Которого было так много, что вскоре он заполнил всю операционную...

Тяжело. Тяжело... Жарко!

Очнулась Маруся от того, что ее опять подхватили огромные ладони.

– Эй, коте... Котэ! – Большой Врач ощутимо встряхнул Марусю. Но у нее не было сил реагировать, висела белой тряпочкой.

– Умерла? – жалостливо охнула медсестра.

– Цыть, дура! – рявкнул Большой Врач. – Нашатырь дай.

Под носом у Маруси оказалась вата с резким неприятным запахом. Вдох – и кошка отчаянно забилась в мощных руках.

– Во! – раздался торжествующий голос. – А ты «умерла». Да у нашей котэ девять жизней в запасе.

Происходящее Маруся видела, как через грязное стекло. Какие-то пятна, потеки... разводы... Шум в ушах.

– Ну, мы с котэ на отдых, а вы дальше сами. Справитесь?

– Конечно, Павел Валерьевич.

– Ну, и молодцы! Спасибо вам!

Поддерживаемая крепкими ладонями, Маруся поплыла по воздуху. В глазах по-прежнему стоял туман, поэтому она не увидела, а скорее, догадалась, что оказалась в коридоре.

Откуда-то снизу услышала гул голосов и, конечно же, плач. Большой Врач что-то сказал. Воцарилась недолгая тишина. А потом снова плач, смех, гомон.

Маруся продолжила плавание по воздуху. Голова была запрокинута, она видела только потолок и белое плечо Большого Врача. В первый раз прикосновения человека не докучали кошке.

Вскоре Маруся почувствовала знакомый запах ординаторской – табака, кофе, лекарств, духов.

Большой Врач бережно опустил кошку на диван. Когда его руки выпустили Марусю, она почувствовала холод в тех местах, которые мгновение назад согревались человеческим теплом. Маруся вздрогнула всем телом.

Большой врач успокаивающе потрепал кошку по загривку.

– Ну, ну, котэ... Уже все хорошо, уже все кончилось. Отдыхай.

Маруся уткнулась головой в плед, втянула ноздрями запах пыли.

Затем услышала щелчок зажигалки, потянуло дымом. Следом хлопнула дверь.

– Паша, что это было? – раздался голос Врача Поменьше.

– Чудо, Анька, это было чудо. Вот, оказывается, как оно выглядит. Как белая кошка Мария.

Большой Врач рассмеялся и тут же закашлялся.

– Черт, я совершенно вымотался. Как лимон... Кстати, о лимонах. Достань из сейфа коньяк.

Маруся плыла в сизоватом потоке и слышала сквозь дрему: «Бу—бу—бу... Бу—бу—бу...». Это означало, что люди занялись своим любимым делом – разговорами. Ожидаемо зазвенела посуда, запахло кофе и еще спиртом.

– ... Но ведь у него не было ни одного шанса!

– Ни малейшего! Я вообще не понял, что произошло. Но это из-за нее.

– Из-за кошки? Нет, это просто на голову не надевается... Ты думаешь, она сделала это сознательно?

– Вряд ли. Все-таки животное – это животное. Отсутствие второй сигнальной системы, неспособность к абстрактному мышлению и все такое. Вспомни Павлова...

А Маруся уже забыла – и про кокон, и про искру. Событие в операционной, как и многие другие в ее жизни, отошло в прошлое. Единственное, что помнила – красный туман. Да и тот – из-за неприятного привкуса во рту.

– .. Но я до сих пор не могу поверить. Она же его спасла!

– Однозначно спасла, только я не пойму как. Плесни-ка мне еще.

Снова щелчок зажигалки, снова табачный дым.

– ...Получается, что кошки мыслят. Как человек. Как ты и я.

– Не думаю. Если хочешь сравнивать, то лучше сравни животное с умственно отсталым ребенком. Они просто живут – проживают каждый день, как впервые. Они не задаются вопросами, принимают все как данность и просто созерцают. Иногда только вмешиваются. И как оказалось, весьма успешно. Ну, котэ, за твое здоровье!

Стукнулись чашки, зашуршала оберточная бумага, сильнее запахло человеческой едой. Маруся недовольно дернула носом, ее подташнивало.

– ... Ты считаешь, что животное ближе к ребенку-аутисту? Нет, не могу представить! Не могу объяснить.

– И не надо. Было и было. А в протоколе я напишу, как надо. Все согласно диалектическому материализму. Основы не покачнутся.

Смешок. Звон, шуршание.

– ... Слухи поползут по всей больнице. Наверное, уже ползут. На нее и раньше мамки молиться были готовы. Только и шушукались: «Кошка сделала то, кошка сделала се...» Я же тебе говорила! А ты не верил! Теперь точно разговоров не оберешься.

– Ну и пусть. Мы-то никому ничего не расскажем. Верно, котэ?

Огромные руки сгребли Марусю, прижали к халату. Даже немного побаюкали.

– Эх, котэ, котэ...

Маруся, как обычно, не сопротивлялась, лежала и ждала, пока ее отпустят.

Но Большой Врач не собирался отпустить.

– Спать! Спать, котэ! Ты, Анька, иди в пятаую палату, она свободна. А мы здесь, на диване.

Большой Врач лег и подпихнул кошку себе под бок. Тяжелая ладонь прижала к колючему пледу. Маруся затаилась.

Слушала, как хрипло тикают часы на стене – тонк! Тонк! Как булькает в батарее. Как урчит холодильник в соседней комнате. Как совсем вдалеке, за закрытой дверью, в отделении, кто-то шаркает тапками по линолеуму.

Постепенно рука, державшая Марусю, расслабилась и потяжелела еще больше. Большой Врач заснул.

Маруся выскользнула из-под ладони, осторожно прошла по краешку дивана и подобралась к лицу.

Огромными, бледно-зелеными глазами-блюдцами, не мигая, рассматривала человека.

Почувствовав взгляд, тот шевельнулся, пробормотал:

– Маруся... лежать...

Однако сон опять сковал его, рука безвольно дрогнула.

Маруся коротко вздохнула. Переступила лапами и улеглась прямо на грудь Большому Врачу.

Она в первый раз засыпала с большим человеком, и это оказалось совсем не страшно. Даже приятно – никаких цветных нитей, никаких белых теней. И очень тепло.

А от халата, в который она уткнулась, уютно пахло табаком, лекарствами и немного стиральным порошком.

Пока идет снег

В обед пошел снег – первый в этом году. Хлопья, крупные и редкие, сыпались, словно перья из прохудившейся подушки.

Земля еще не промерзла, и долетев до нее, хлопья таяли. Оставались только мокрые пятна.

Лариса смотрела в окно, а снег все сыпал и сыпал...

Утренняя злоба прошла, осталась только усталость.

Хотя час назад, после совещания у директора, Лариса думала, что ярость удавит ее. Шла по коридору, точно в красном тумане. Зашла в отдел, швырнула ежедневник на стол. Тот пролетел по гладкой столешнице, как по льду, и шлепнулся с другого конца на пол.

Девчонки сидели, как мыши, не поднимая головы. Правильно сидели – на совещании орала так, что слышал весь офис. И, конечно, все уже знали, что Лариса проиграла. Все недопоставки повесили на нее, Мышовец уж постарался, сволочь такая!

Лариса стиснула зубы, чтобы не заплакать. Глаза отчаянно защипало, тушь все-таки потекла.

Она круто развернулась и вышла из комнаты. В туалете приблизила лицо к зеркалу, хотела аккуратно вытереть черные потеки в углах глаз, тут-то контактная линза и выпала. Маленькая полупрозрачная скорлупка закружилась в водовороте и мигом улетела в сливное отверстие.

И тогда Лариса разрыдалась.

Рыдания так сотрясали тело, что ей пришлось опереться руками на край раковины, чтобы не упасть.

Плакала долго. Потом еще дольше вытирала глаза бумажными полотенцами. Потом в туалетную комнату зашла сотрудница из соседнего отдела и с затаенным любопытством окинула Ларису взглядом.

Лариса даже не смогла ей кивнуть, просто повернулась спиной.

Девчонки-подчиненные при ее появлении быстро исчезли – отправились пить кофе в буфет, и Лариса осталась одна. Развернула кресло к окну и стала смотреть на снег.

Усталость после пережитого была слишком велика, мысли текли вяло и бессвязно.

Надо увольняться... Мышовец – сволочь, ладно, но ведь меня никто не поддержал... Дальше работать с такими людьми невозможно... А куда идти?... Денег нет, еще и кредит висит невыплаченный... На что жить?... Снег идет, скоро зима, а у Кирки нет теплой куртки... Голова болит... Завтра же надо написать заявление... Ну какая же сволочь этот Мышовец!...

А снег все падал и падал...

Вернулись девчонки, зашуршали бумагами, застучали по клавишам компьютеров. Самая шустрая, Катя, уже стала названивать поставщикам. Ее пронзительный голос ввинчивался в мозг, как раскаленный коловорот.

Лариса встала, достала из шкафа пальто, подхватила сумку и, ни с кем не прощаясь, закрыла за собой дверь.

Слава богу, подъехавший лифт оказался пустым. Двери закрылись, мягкий толчок, и кабина, как капсула космического корабля, двинулась с места. Если бы улететь на ней, как в какой-то детской сказке, вот было бы хорошо!

Но путешествия не вышло. Нежный предупредительный звоночек, шипение расходящихся дверей – и она уже в вестибюле первого этажа.

Около крутящейся двери поскользнулась на скользком полу и упала бы, если бы кто-то не подхватил ее под локоть.

– Спасибо, – буркнула Лариса, даже не поглядев на своего спасителя. И что на него глядеть, наверняка, тоже гад порядочный!

Она шла, не разбирая дороги, спотыкаясь и попадая ногами в лужи. Не все ли равно? В голове не было ни одной мысли, только желание идти и идти, неважно куда, главное, убежать от обиды и омерзительного чувства поражения.

Она даже не накинула капюшон, волосы усыпали хлопья снега – первого в этом году.

Лариса миновала несколько переулков и вдруг наткнулась на невысокий металлический заборчик. Бездумно толкнула кружевную калитку и оказалась во дворе.

Прямо перед ней высился темно-красный кирпичный дом, грузный, как средневековый замок, а левее, около каменной чаши не то клумбы, не то фонтана, темнела скамейка.

Ноги сами понесли к ней. Спинка и сиденья были слегка запорошены снегом, но Лариса даже не стала его стряхивать. Села и уставилась на дом.

Короткий декабрьский день таял, и в нескольких окнах уже горел свет. Остальные – темнели тусклыми стеклами, в которых отражались низкие снеговые облака.

Двор был абсолютно пуст, даже голуби попрытались по застрехам. Только надвигающиеся сумерки и все густеющий снег.

Постепенно белые хлопья облепили карнизы, усыпали асфальт и Ларисины плечи.

Боковым зрением она уловила какое-то движение, повернула голову. Через калитку во двор вошла темная фигура. Лариса равнодушно отвернулась и продолжала рассматривать чужие окна, гадая, счастливы ли живущие за ними люди.

Фигура приблизилась, присела на противоположный край скамьи.

Лариса скосила глаза – мужчина. В длинном темно-сером пуховике, капюшон надвинут так, что лица не видно. Руки глубоко засунуты в карманы.

Лариса недовольно поджала губы. Мужчина молчал и не шевелился.

Откуда-то выплыла тревога. Лариса заерзала, лапами пальто сметая со скамейки снег. И вдруг услышала неясное:

– Лорик.

Она подозрительно покосилась на соседа – тот был недвижим.

Она уже решила, что почудилось, когда тихий голос повторил:

– Лорик.

Лариса подпрыгнула и, забыв все приличия, в упор уставилась на мужчину.

– А теперь ты точно похожа на задумчивую кенгуру.

– Что-о?

Темно-серая фигура слегка дрогнула, и что-то неуловимо знакомое промелькнула в этом движении.

– Этого не может быть, – похолодевшими губами прошептала Лариса.

– Может, – голос был тихим, но уверенным. – Может.

– Откуда вы знаете?... Да как вы смеете?... Да я вас... – забормотала Лариса, изо всех сил сжимая пальцами ремешок сумочки. – Да кто вы вообще такой?

– Это я, Лорик.

Ларисе показалось, что ее с головой окунули в ледяную воду. Сердце на секунду остановилось, горло сжалось.

– Я пришел посмотреть на тебя.

Ледяной холод обратился в нестерпимый жар, который мгновенно поднялся от пальцев ног к сердцу, и оно забило так сильно, точно хотело вырваться из груди.

Перед Ларисой сидел ее муж, восемь лет назад погибший в автокатастрофе.

Лицо было скрыто капюшоном, но по голосу Лариса чувствовала – Юрка улыбается.

И тогда она все поняла. Так, значит, она все-таки поскользнулась на том чертовом блестящем полу и раскроила себе череп о тяжелую стеклянную дверь. И то, что сейчас происходит – это предсмертные видения. Или посмертные. Она умерла?

– Ох, Лорик, ты всегда была паникершей. С тобой ничего не случилось. Это я пришел. Понимаешь, я все время думал о тебе, скучал. Всегда хотел прийти. Но не получалось. А сегодня пошел снег... И мне удалось.

– Юрка...

– Лорик.

– Но как... Как это может быть?

– Откуда я знаю? – с досадой воскликнул он. – Просто взяло и получилось.

В голосе Лариса уловила знакомые нотки, и они убедили ее раз и навсегда.

Перед ней действительно сидел ее муж.

– Юрка...

– Я так рад, что увидел тебя, Лорик. Как ты живешь?

– Нормально. Нормально я живу, Юрка, – и Лариса тыльной стороной ладони вытерла глаза. – А ты как...

Она запнулась, но все же договорила:

– ... живешь?

– Да тоже, наверное, нормально. Только там все странно. Я очень многого не могу вспомнить. Сколько времени прошло, как я... как мы расстались?

– Восемь лет.

– Восемь лет, – задумчиво произнес он. – А ты совсем не изменилась.

– Скажешь тоже! – Лариса всхлипнула. – Смотри, какая старая стала.

– Нет, такая же. Только волосы посветлели. Раньше ты была рыжей. Рыжая Лариска.

Лиска-Лариска.

Слезы ручьями катились по щекам, застилала глаза и не давали рассмотреть Юрку.

– Где ты откопал такой пуховик, горе ты мое?

Фигура мужа по-прежнему оставалась неподвижной, но Лариса знала – он растерянно пожимает плечами и смешно хмурит брови.

– Понятия не имею... Оказался откуда-то! А у меня такого точно не было?

– Точно.

– Чудно!

Небольшая пауза и вопрос:

– Лор... А когда это случилось? В какое время года?

– Летом. В августе. Было очень жарко, все ходили в майках... А ты не помнишь?

– Нет. Совсем не помню.

Лариса запрокинула голову. Небо опустилось совсем низко и стало еще больше похожим на подушку – старую, скомканную, серую. А снег оттуда сыпался ярко-белый.

– Тебе было очень больно? Ну тогда...

– Совсем не больно. Вот честное слово!

Лариса закусила губу. Перед глазами на тысячную долю секунды мелькнули картины, которые она изгнала из памяти навсегда. Морг. Полумрак в коридорах, а потом яркий свет и... Она смогла опознать Юрку только по остаткам одежды, которая не обгорела. Ее было немного.

– Ну вот, опять разревелась. Ты становишься плаксой, Лорик. Это к старости! Небось, на похоронах рыдала в три ручья?

– Нет, Юр... Не рыдала.

– Вот и умница. Слушай, я ничего этого не помню. Помню только, как мы ели эклеры.

– Господи, какие еще эклеры?

– Шоколадные. Не помню только, где. Там еще столы были стеклянные, зеленые. Где-то около ГУМа.

– А-а, теперь я тоже вспомнила! Но это очень давно было. Кирка был совсем крошечным.

– А сейчас ему сколько?

– Девятнадцать. В институте учится.

– Меня вспоминает?

– Да. Только не говорит об этом. Сразу после... ну, этого... он так переживал, что даже заикаться стал.

– Ну вот! Вас на секунду оставить нельзя. Один заикаться начнет, другая перекрасится в солому и будет поминутно реветь, как белуга.

– Не на секунду, Юра. Прошло восемь лет!

– Восемь, – повторил он. – Восемь... Нет, не помню... Там время какое-то странное. Я никак не могу привыкнуть.

– Я тоже.

– Ты помнишь меня?

Помнишь! Разве можно словами описать ту космическую дыру, которая образовалась в ней, тот черный вакуум, который скрутил жизнь в тугую спираль и унес все? Или рассказать, как она плакала сухими злыми слезами? Извивалась от ярости на пустой кровати, потому что он смог вот так ее оставить.

– Ну ладно, извини. Просто я очень скучаю по тебе, Лорик. А кто такой Мышовец?

Лариса осеклась, точно налетела на преграду. Утренние события оказались отделенными от сейчас на миллиарды лет.

– Мышовец?... Да сволочь одна. С работы. У меня серьезные неприятности, Юрка.

Сказала и почувствовала, что он опять улыбается.

– Все обойдется. Ты сильная, ты справишься.

– Справлюсь, конечно. Только... Только ты вернешься?

Молчание.

Он молчал, а ей хотелось выкрикивать его имя, звать, и сердце сжималось при мысли, что впереди годы без него.

В пустом, лишенном любви мире.

– Ну хотя бы побудь со мной.

– Побуду.

– Долго?

– Пока идет снег.

Она снова запрокинула голову. Тучи спустились так низко, что, казалось, уже лежали у них на головах. Снег валил, не переставая.

Они сидели на разных концах скамейки, окутанные в снежные коконы, но были вместе. Может быть, даже обнимались.

Пелена сделалась такой густой, что скрыла дом, каменную чашу, железный забор и, вообще, весь мир.

– Лорик.

– Юрка.

Холод пробрался к ней под пальто, она вздрогнула.

– Холодно?

– Холодно.

– Обязательно купи Кирке теплую куртку, слышишь?

– Слышу. Куплю.

– И скажи, что это от меня.

– Скажу.

Он смотрит на нее сквозь снежную занавесь и улыбается. Он все время улыбается, а она все время плачет.

– Эх, Лорик, Лорик! Глупая девчонка.

– Оставайся со мной, Юрка, – говорит она.

Нет, не говорит. Умоляет. Просит вернуться – всей душой.

Долгая пауза. И когда она думает, что ответа не будет, он отвечает.

– Я останусь. Останусь, пока идет снег.

А его навалило столько, что Лариса чувствует тяжесть на плечах. Но ведь на плечах – не на сердце?

И вдруг снег начал редеть. Белая пелена – таять, и сквозь нее стал проступать темно-красный кирпичный дом, грузный, как средневековый замок.

– Юра.

Молчание. Кокон на противоположном конце скамейки заколебался, задрожал, как туман, уносимый ветром.

– Юра!

Если ему хватило воли прийти к ней, пусть на несколько мгновений, разве он не сможет сказать ей что-то важное напоследок?

Тучи над ними стали расходиться, и на темном декабрьском небе проступили бледные редкие звезды.

– Юра!

И тут он заговорил с ней в последний раз:

– Лорик.

Бесконечно нежный голос. Звал ее по имени.

– Лорик...

Помню. Люблю. Печалюсь

*Но те, что были рождены, —
все они отправляются к месту,
которое им назначено.*

Надпись на гробнице жреца Неферхотена

Солнце в зените и жарит безжалостно. Уже спалило небо добела и теперь сжигает землю. Та лопается от жара, трещины змеятся по серым камням, по спрессованной желтой пыли.

Из одной такой трещины вынырнула серая ящерица. Повела туда-сюда треугольной мордой, прижалась брюхом к горячей земле. Для ящериц это рай – знойный и безмолвный.

Вдруг откуда-то с запада донесся гул. Сначала неясный, дрожащий, точно это горы застонали от жара. Ящерица насторожилась, снова повела головой, серые чешуйки на спине переливчато блеснули на солнце.

Звук нарастал, гулял по долине, отражался от горных массивов и возвращался обратно, к пересохшему руслу безымянной реки. Постепенно в нем выделились характерные хлопки винтов. Вертолеты...

Ящерка проворно приподнялась на лапах, вильнула узким телом и растворилась в потрескавшейся земле.

Войны не интересуют ящериц.

Сержант Александр Чекмарев, гранатометчик 66-ой ОМСБр, в\ч пп 93***, стоял на галерее и смотрел вниз, на огромный зал, расчерченный на квадраты тускло блестящими металлическими линиями.

Приглядевшись, Чекмарев понял: линии – это алюминиевые подлокотники кресел. С высоты он не мог разглядеть отдельных людей, те представлялись громадной массой, плавно перетекающей с место на место и издающей мерный, приглушенный расстоянием гул.

Саша положил руку на перила, погладил холодный и скользкий мрамор.

Плиты под ногами были такими же, белыми и блестящими.

На мгновение стало неловко за свои пыльные берцы, которые попирали этот королевский пол. Эх, да по такому полу да в начищенных ботиночках... да чтоб брюки со стрелкой и летний пиджак небрежно заброшен за плечо. А на его руке чтоб лежала девичья, тонкая, загорелая... и сама девушка была бы легкой и светлолицей. Эх...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.